

АВГУСТ

1914

ПЕРВАЯ СХВАТКА ЗА ЛЬВОВ

ГАЛИЦИЙСКОЕ СРАЖЕНИЕ 1914 ГОДА

АЛЕКСАНДР
БЕЛОЙ

Александр Белой

**Первая схватка за Львов.
Галицийское сражение 1914 года**

«Алисторус»

2014

Белой А. С.

Первая схватка за Львов. Галицийское сражение 1914 года /
А. С. Белой — «Алисторус», 2014

Русские войска вошли в австрийский Львов в августе 1914 года, меньше чем через месяц после начала Великой войны. Невероятный успех русского оружия стал возможен благодаря целому ряду факторов, которые позволили одержать победу в одном из величайших сражений Первой мировой. Галицийская битва сегодня практически забыта, чему есть понятные причины политического характера. В ходе этого сражения Россия впервые включила в состав страны территорию Восточной Галиции, которую мы знаем сегодня как Западную Украину. Скрупулезное исследование Александра Белого буквально по часам реконструирует подробности этой операции. Александр Сергеевич Белой (1882 – 1938) – русский и советский военачальник, военный историк, комбриг. Он принимал непосредственное участие в боях под Львовом и стал автором целого ряда работ, посвященных действиям российской армии в Первой мировой войне. А. Белой стал жертвой сталинских репрессий, а его труды оказались под запретом. Это первое переиздание книги с 1929 года.

© Белой А. С., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Предисловие	5
Введение	6
1. Краткий очерк политического и экономического состояния России и Австро-Венгрии к началу мировой войны	6
2. Краткий очерк политической обстановки и политической подготовки Польско-Галицийского театра военных действий [23]	12
3. Планы войны	14
Комментарии к введению	21
Глава первая	23
Комментарии к первой главе	30
Глава вторая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Сергеевич Белой

Первая схватка за Львов.

Галицийское сражение 1914 года

Предисловие

Почти пятнадцать лет отделяет нас от начала мировой войны, но мы до сих пор не имели достаточно полного исследования действий русской армии в начальный период войны, представляющий особый интерес.

Предлагаемый читателям труд – Галицийская битва – дает возможность проследить развитие военных событий 1914 года на русском фронте от развертывания обоих противников до начала крушения первоначальных их планов. Галицийская битва, составляющая начальную операцию кампании 1914 года и являющаяся важным периодом мировой войны, ведется обеими армиями по навыкам и выучке мирного времени, со всеми их недостатками тактического и оперативного характера. Тем не менее, изучение этой сложной стратегической операции необходимо не только для одних военных, для которых она является источником ценных выводов по оперативному вождению миллионных армий. Остальные читатели почерпнут из изучения этой операции необходимость серьезной подготовки к войне не только на вооруженном фронте, но и на политическом и экономическом фронтах борьбы.

Труд написан, главным образом, на основании русских архивных документов штабов фронта, армий, корпусов и дивизий юго-западного фронта, а также Ставки, документов, хранящихся в военно-морской секции центроархива, ныне военно-историческом архиве, и на основании печатных трудов, вышедших как у нас, так и за границей. По состоянию архивных дел, многие события не могли быть установлены с достаточной полнотой, а печатные труды, в большинстве случаев немецких и австрийских авторов, односторонне освещают события, умаляя роль и значение русской армии.

Основным источником для исследования боевой деятельности австро-венгерской армии являлся 4-томный труд ее фактического главнокомандующего фельдмаршала Конрада – «Aus meiner Dienstzeit 1906–1918». Австрийское официальное 6-томное описание войны только в 1929 г. выходит из печати.

Автор приносит глубокую благодарность Б. И. Гореvu, взявшему на себя труд составить «Краткий очерк политической обстановки и политической подготовки Польско-Галицийского театра военных действий».

При чтении надлежит руководствоваться прилагаемыми схемами или же 10-верстной русской или 5-км австрийской (1:200 000) картами. В отдельном приложении дан перечень первоисточников – архивных дел и материалов центроархива – и список печатных трудов, послуживших для составления этой книги.

А. Белой.

Октябрь, 1928 год, г. Москва.

Введение

1. Краткий очерк политического и экономического состояния России и Австро-Венгрии к началу мировой войны

Внешняя политическая обстановка

Противоречия, раздиравшие накануне мировой войны главные группировки европейского капитала, после целого ряда этапов дипломатической борьбы за экономические и торговые интересы привели к образованию двух враждебных коалиций: держав Согласия (Антанта) – с одной стороны, и Тройственного (центрального) союза – с другой.

Со стороны Антанты можно было при всех обстоятельствах рассчитывать на совместные действия только России и Франции, которые были связаны союзным договором и военной конвенцией, заключенной в 1892 году. Будет ли участвовать в вооруженном конфликте Англия, – вопрос оставался открытым. Россия не могла быть уверена по опыту прошлого в том, что Великобритания поддержит ее в случае начала войны из-за русских интересов. Так как для царской России объектом войны был Константинополь с его проливами, по которым проходил русский вывоз помещичьего хлеба на сумму до 600 милл. рублей в год, то для осуществления этой цели надо было отколоть Турцию от Германии и втянуть в войну Болгарию, которая могла выступить только ради приобретения Македонии. Но Македония уже была отдана Сербии, которая определенно примкнула к России и ею поддерживалась в неравной борьбе с Австро-Венгрией. Турция в начале войны не только предлагала России соблюдение нейтралитета, но и предоставляла в ее распоряжение турецкую армию при условии гарантии целостности ее владений [1].

Среди держав центрального союза руководящую роль играла Германия, дипломатия которой рассматривала Австро-Венгрию как свой авангард при движении в Малую Азию, и которая поэтому была заинтересована в успехах Австро-Венгрии на Балканах.

После Балканской войны 1912 года австрийских империалистов начинают тревожить успехи великосербского движения. Создание «Великой Сербии» ставило под угрозу владычество австрийцев над сербо-кroatским населением, большинство которого находилось в подданстве Габсбургской монархии. Поэтому в течение последних лет перед 1914 годом [2] бывали моменты, когда военная партия Австрии хотела провоцировать войну немедленно. Так было в 1912 году, так повторилось и в 1914 году. Румыния и Италия постепенно перешли на сторону держав Согласия.

Зато центральные державы имели основание рассчитывать на содействие Болгарии, которой была обещана Македония, а также и на выступление Турции, где германское влияние постепенно усиливалось.

Неудачная политика царской дипломатии окончательно оттолкнула эти державы от Согласия.

Итак, в результате дипломатической подготовки [3] к мировой войне положение России и Австро-Венгрии, как и других держав обеих коалиций, определялось, кроме чисто стратегических факторов, – и известными военными обязательствами по отношению к своим союзникам, и той помощью, на которую они от последних рассчитывали. При этом Австро-Венгрия и ее союзник – Германия – были окружены кольцом настоящих и будущих врагов. Они могли рассчитывать только на Турцию и Болгарию, которые последовательно к ним примкнули в 1914 и 1916 годах.

Экономическое положение России

Но, вступив на путь империалистической политики и рассчитывая добиться своих целей вооруженным столкновением, правительства держав обеих коалиций не учли ни значительной продолжительности грядущей войны, ни экономической мощи своих государств. Соображения, что предстоящая война будет кратковременной, были господствующими в военных и экономических кругах всех стран. В смысле подготовки борьбы на экономическом фронте было сделано очень мало и в России, и в Австро-Венгрии, а между тем экономическое развитие обеих монархий стояло на низкой ступени. Предположения, что для питания войны будет достаточно мобилизационных запасов и продукции одной военной промышленности, не соответствовали действительности, так как последняя могла обеспечить не более 10–15 % предстоящей потребности. Вопросы об использовании гражданской промышленности и об экономической мобилизации во всей стране также не были разработаны ни в России, ни в Австро-Венгрии.

В частности, экономическое положение России к началу мировой войны характеризуется следующими данными.

Государственные финансы, расстроены русско-японской войной и последовавшей революцией 1905 года, хотя и улучшились, но все же нуждались в ежегодных займах во Франции в размере 400 000 000–500 000 000 франков в год [4], большая часть которых пошла на образование золотого фонда в 1 602 000 000 рублей. Проект бюджета на 1914 год предусматривал доходов 3,53 миллиарда руб. и расходов 3,55 милл. руб., из которых на армию и флот приходилось 28 %. На мобилизацию было израсходовано 539,6 милл. рублей, а с начала войны до конца 1914 г. – 1 655,5 милл. рублей, или по 10 000 000 рублей в день [5].

Крупная промышленность России до 1908 года переживала застой, который после ряда повторных урожаев сменился периодом оживления, в течение которого продукция промышленности оценивалась: в 1910 году – 3,41 миллиарда рублей; в 1911 г. – 3,71 милл. руб. и в 1912 г. – 4,01 милл. рублей. Уже вскоре после начала войны, вследствие призыва рабочих в армию и увеличения потребности промышленности, начал чувствоваться недостаток рабочей силы. В октябре 1914 года из 8.550 более крупных предприятий (без Польши) с 1,6 миллиона рабочих 502 предприятия с 46.500 рабочих совершенно прекратили производство, 1.034 предприятия сократили его (319 000 рабочих, вместо 435 000) и только 125 предприятий расширили производство (88 000 вместо 105 000 рабочих).

В каменноугольной промышленности, несмотря на рост добычи угля (до 31 000 000 тонн) и ввоз его из-за границы (до 6 000 000 – 7 000 000 тонн), Россия в 1913 году испытывала угольный голод. С началом войны Домбровский бассейн был занят немцами, ввоз резко пал с 468 000 000 пудов в 1913 году до 293 000 000 пудов в 1914 году. Добыча угля в Донецком бассейне также уменьшилась во втором полугодии 1914 года до 787 000 000 пуд., против 896 000 000 пуд. в первом полугодии, что объясняется уменьшением числа рабочих и постепенным падением добычи на 1 рабочего. А между тем потребление угля во время войны возросло в виду роста потребности жел. дор. и промышленности, работавшей на оборону. Уменьшение продукции коснулось и железоделательной промышленности, где выплавка чугуна (в 1913 г. – 282 000 000 пуд., в 1914 г. – 264 000 000), производство полуфабрикатов соответственно в те же годы – 300 000 000 и 294 000 000) и готовых изделий (246 000 000 и 240 000 000) постепенно сокращались. Добыча меди, имевшая особое значение для производства снарядов, стала также сокращаться: в 1907 году добыто 13 300 тонн, в 1912 г. – 33.600 тонн, в 1914 году – 31 936 тонн. Падение добычи меди повлекло за собой ввоз ее из Америки уже в 1914 году – 13 000 тонн. Только добыча нефти непрерывно возрастала и во время войны: в 1913 г. – 522 000 000 пудов, в 1914 г. – 557 000 000 пудов. Хлопчатобумажная, кожевенная и шерстяная промышленности были достаточно развиты и могли обеспечить заказы на армию и потребности страны, но вскоре и они стали чувствовать недостаток сырья.

Внешняя торговля, имевшая в мирное время сильно активный баланс [6], в начале войны почти прекратилась. Во время войны стали ввозиться не только военное снабжение, но и машины, и даже жизненные припасы.

Состояние сельского хозяйства, переживавшего перед войной период быстрого подъема [7], вследствие колоссальных призывов в армию, которые падали главным образом на крестьянство основных хлебных районов, реквизиции лошадей [9] и скота, недостатка сел. – хоз. орудий и прекращения вывоза хлеба, должно было ухудшаться и в связи с разрухой транспорта привести к продовольственному кризису [10].

В конечном результате отсутствие подготовки в мирное время к тем большим организационным и экономическим задачам, которые стояли с началом войны перед русской буржуазией и промышленностью, привело к тому, что последняя не справлялась даже с военными заказами, а на долю гражданского потребления оставалось все меньше и меньше [11].

Экономическое положение Австро-Венгрии

Экономическое положение монархии Габсбургов было более тяжелым. Аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 году и подготовка к неизбежной войне за Балканы заставляют австро-венгерских империалистов чрезмерно напрягать свои финансы и увеличивать военный бюджет. Это увеличение бюджета не соответствовало развитию производительных сил страны и повлекло за собой увеличение государственного долга. Общий бюджет с 1907 по 1913 г. увеличился в 7½ раза, дойдя до 1.665 000 000 рублей, при чем на военный бюджет приходилось до 15 %. Для населения Австро-Венгрии, при его слабой платежеспособности, военный бюджет был гораздо тяжелее, чем во Франции и Германии. Наличие большого государственного долга еще более усиливало финансовые затруднения – на 1 душу населения приходилось долга в рублях: в Австро-Венгрии – 140, в России – 53½, в Германии – 151, во Франции – 316.

Тяжелому финансовому положению Австро-Венгрии вполне соответствовала и ее экономическая отсталость по сравнению с союзником – Германией – и будущими врагами. Будучи преимущественно аграрной страной (в Австрии 60 % рабочих заняты в сельском хозяйстве и лесоводстве, в Венгрии – 69 %), Австро-Венгрия имела довольно сильно развитую горную, машиностроительную и железоделательную промышленность, продукция которой не только удовлетворяла запросам местного рынка, но и вывозилась. Доля участия Австро-Венгрии в мировой торговле [2] определялась в 1912 году в 3,3 %, Франции – 9 %, Германии – 12,9 %, Англии – 16,6 %. Особенно остро стоял вопрос о снабжении промышленности сырьем и топливом. Австрии не хватало собственного угля. Богатые нефтяные источники находились в Галиции и были под угрозой неприятельского захвата. Главным топливом являлись леса по склонам Альп и Карпат, которые были далеко от главных промышленных центров. Земледелие и скотоводство было развито преимущественно в Венгрии, где сельское хозяйство по характеру приближалось к южно-русскому и было мало приспособлено к замене рабочих рук машинным трудом.

В общем, в хозяйственной жизни страны сильно чувствовалось отсутствие единого хозяйственного организма – Венгрия и Австрия были автономны, что еще более отразилось на экономической неподготовленности страны к предстоящей войне.

Военная промышленность России

Но если экономическое состояние обеих монархий внушало серьезные сомнения в смысле готовности к войне, то обеспеченность армий обеих стран продукцией своей военной промышленности и мобилизационными запасами вооружения, техническими средствами и боевым снабжением также была недостаточная.

Имевшихся в России 4 652 419 винтовок (из них 362 019 берданок) едва хватило для вооружения мобилизованной армии, последующие призывы ратников в октябре (300 000) и новобранцев к 1-му ноября (700 000) были уже не обеспечены винтовками. Три главнейших оружейных завода [13] имели максимальную месячную продукцию около 44 000 винтовок, что

не могло покрыть потери в винтовках даже в первых операциях. Пулеметов состояло 4.985 (некомплект 883 пулемета), а в течение войны потребовалось еще около 26 000. Запас винтовочных и пулеметных патронов в 1914 году определялся в 2 446 000 000, не считая 209 000 000 бердановских патронов. Таким образом, некомплект ко времени объявления войны составлял около 300 000 000 патронов, или 11 %, в то время как три патронных завода имели месячную продукцию только около 50 000 000 в месяц.

Производство артиллерийских орудий и снарядов было развито недостаточно, 4 русских пушечных завода выпустили с июля по октябрь 1914 года только 35 легких гаубиц, 14 орудий 107-мм калибра и 25 гаубиц 152-мм калибра, перенесено выполнение данного в начале войны наряда на 235 легких, 50 горных пушек и 70 легких гаубиц на первую треть 1915 года. А между тем русская артиллерия еще к началу мобилизации имела некомплект в 281 орудие полевых калибров (по штатам 8.028 орудий). Наиболее трудным являлось поставить массовое производство гаубиц: 122-мм гаубиц (по штату 516, некомплект 48 гаубиц) и 152-мм гаубиц (по штату 164, некомплект 7 гаубиц).

В отношении обеспеченности огнеприпасами также были крупные недочеты. В русской армии, – руководствуясь опытом русско-японской войны 1904–1905 г.г., когда было израсходовано в среднем по 720 выстрелов на каждое из бывших в Манчжурии 1276 орудий, – было решено иметь запас по 1 000 выстрелов на 76-мм орудие. При этом по 428 выстрелов возилось в батареях и парковых артиллерийских бригадах, а по 572 выстрела хранилось в местных артиллерийских парках [14]. Всего был образован запас: 6 432 605 выстрелов для 76-мм пушек (имелся полностью), 91.200 выстрелов для 107-мм пушек (некомплект 68 856); 512 000 выстрелов для 122-мм гаубиц (некомплект 62 523) и 164 000 выстрелов для 152-мм гаубиц (некомплект 64 090).

Первые бои показали недостаток этих запасов. Только на юго-западный фронт в период галицийской операции, с 5-го августа по 21 – е сентября, было подано 25 местных парков, т. е. всего 726 000 выстрелов, или по 350 выстрелов на 76-мм орудие. Снабжение снарядами для тяжелых калибров было настолько затруднительно, так как полевая тяжелая артиллерия имела только 50 % положенных ей комплектов, что потребовался особый приказ по юго-западному фронту, ограничивающий их расход. Такой колоссальный расход огнеприпасов не мог быть обеспечен продукцией русских заводов. Уже за первые два месяца войны выявилась необходимость новых заказов на 5.268 000 76-мм и 184 тысячи 107-мм снарядов, которые 16 заводов обязались сдать в годичный срок, но не могли выполнить.

Военная промышленность Австро-Венгрии

Австро-венгерская армия испытала с началом войны винтовочный и патронный голод. Сильнейший оружейный завод Манлихера в Штейере только с затратой больших средств удалось перевести на массовое производство винтовок и этим постепенно изжить винтовочный кризис, но питание патронами [15] долгое время не могло быть доведено до установленной еще в мирное время нормы в 4 000 000 патронов ежедневно.

Существенным тормозом при производстве патронов являлся большой некомплект ружейного пороха, наличие которого в мобилизационном запасе определялось всего в 28 % установленной нормы в 350 000 килограмм. Другие военно-промышленные предприятия Австро-Венгрии, как заводы Скода в Пильзене, оружейные заводы в Штейере и патронный завод в Воллесдорфе с трудом наладили и развернули только к 1915 году массовое производство вооружения.

В отношении артиллерии имелись также недостаточные мобилизационные запасы и незначительная продукция орудийных и изготавливающих огнеприпасы заводов [16]. Намеченное в начале 1914 года перевооружение полевой артиллерии новыми гаубицами, всего в количестве 1512 гаубиц, потребовало для своего осуществления на заводах Скода около 2 лет.

Не менее остро стоял вопрос и с запасами снарядов для артиллерии. Мобилизационные запасы определялись по 550–670 выстрелов [17] на полевую пушку, по 460–577 выстрелов на 10-см полевую гаубицу и по 433–476 выстрелов на 15-см тяжелую гаубицу. Из этого количества при батареях и в войсковых парках находилось только около 490 выстрелов на пушку и около 360 выстрелов на 10-см и 15-см гаубицы, а остальные по мере снаряжения подавались на фронт ничтожными порциями. В среднем ежедневно на фронт прибывало всего по 7 000 снарядов для полевых пушек и по 1 000 – 1.500 снарядов для легких и тяжелых гаубиц [18]. В результате с первыми же боями в австро-венгерской армии наступил снарядный голод, который не был изжит в течение всей войны.

Таким образом, военная промышленность обеих стран с большим трудом могла развернуться для удовлетворения потребностей мобилизованных армий. А промышленность, работавшая на нужды населения, не была подготовлена для перехода к работе на армию, что еще более осложнило положение обоих противников.

Внутреннее политическое положение России и Австро-Венгрии

Но если экономическое состояние русской монархии, а в особенности Австро-Венгрии, внушало серьезные сомнения в отношении возможности выдержать длительную войну, то внутреннее политическое положение обеих империй не давало никаких оснований рассчитывать, что эти государства в состоянии выдержать тяжелые испытания на классовом и национальном фронтах войны. После революции 1905 года внутренняя политика русского правительства даже в оценке [19] бывшего члена государственного совета барона Розена определялась «узко воинствующим национализмом известных кругов русского общества и натиском беспросветной реакции».

Реакционный характер внутренней политики, шедшей с 1907 года под столыпинским лозунгом – сперва успокоение, а потом реформы, – приводит в конечном счете к тому, что «в деревне [20] растут слои, враждебные русской буржуазии и самодержавию, а в городе среди крупной буржуазии растут оппозиционные настроения».

Рабочее движение, начиная с 1911 г., а в особенности с 1912 г. (Ленский расстрел), колоссально выросло. В то время как в 1910 году было 222 забастовки с 46 000 забастовщиков, в 1911 году – уже 422 забастовки с 750 000 забастовщиков, а в 1913 году – 2142 забастовки и 861 000 забастовщиков. За 4 года количество бастовавших рабочих увеличилось в 20 раз. 1 мая 1914 года уже бастовали более миллиона рабочих. Все это указывало на непрочность положения внутри Российской империи. Даже лидер правых в государственном совете Дурново в известной записке [21], анализируя классовые группировки царской России, пришел к выводу, что «соображения внутренней политики должны удерживать Россию от решения вступить в войну, так как результатом ее может быть только торжество самых крайних течений и революция, доведенная до логического ее конца».

В Австро-Венгрии дуализм оказывал существенное влияние на внутреннее политическое положение монархии. Начиная с 1867 года, Венгрия, добившись национального объединения, стремится подавить подвластных ей румын, хорватов и словаков. Грубый и энергичный национализм венгерцев был связан с наличием социального строя, в котором первенствующее значение имели крупные помещики-землевладельцы. В Австрии, оставшейся слабейшей половиной монархии, борьба национальностей переплеталась и осложнялась классовой борьбой. Нигде в мире борьба национальностей не была так обострена и не была так связана с самым существованием австро-венгерского государства. Внутренний кризис не разрешался ни политикой централизма, ни признанием господствующей роли австрийских немцев, ни политикой компромиссов с другими национальностями[22].

Буржуазный национализм отразился и на австрийском рабочем движении. «Экономическая отсталость Австрии, – пишет Зиновьев, – преобладание мелкой буржуазии, мелкого мещанства, сравнительная слабость крупной промышленности создавали условия, благопри-

ятствующие процветанию оппортунизма в австрийском рабочем движении». «Путь от оппортунизма к социал-шовинизму в его основных чертах пройден был в Австрии еще до войны». Вся политика официальной австрийской социал-демократии задолго до войны исходила из сохранения Габсбургской монархии.

2. Краткий очерк политической обстановки и политической подготовки Польско- Галицийского театра военных действий [23]

Как известно, русское правительство и высшие военные круги давно готовились к войне против Германии и Австро-Венгрии и давно предвидели, что одним из важнейших театров этой войны будет Галиция и пограничные с ней Польша (бывший «Привислинский край») и Украина (бывшие юго-западные губернии). Но характерной чертой этого театра являлось то, что на нем по обе стороны границы жили представители одних и тех же двух народов – поляков и украинцев (называвшихся в России «малороссами», а в Галиции – «русинами»). Это, конечно, вносило большое осложнение в общую политическую обстановку будущего театра и в его соответственную «обработку».

Русская Польша находилась на положении почти оккупированного государства, и население ее относилось в общем крайне враждебно к России, особенно к русскому правительству и той массе военных и чиновников, которые наводняли Польшу и составляли в ней привилегированную касту. Но в этом общем враждебном отношении можно было различить целый ряд весьма существенных оттенков. Наиболее примирительную и оппортунистическую позицию занимала буржуазия, главным образом, еврейская, а затем и польская, которая была теснейшим образом связана с русским рынком и готова была, чтобы не потерять этого рынка, помириться на весьма скромной областной автономии. Наоборот, самую враждебную и непримиримую позицию в национальном вопросе занимала резко националистически настроенная мелкобуржуазная и мелко-помещичья польская интеллигенция, увлекшая за собою и часть рабочих и поставлявшая главные кадры для так называемой «правицы» (т. е. правого крыла) ППС («Польской социалистической партии»). Эта интеллигенция, выдвинувшая таких вождей, как Пилсудский, всегда мечтала о независимом польском государстве, в котором, как ей казалось, она будет призвана играть руководящую роль, при чем образование независимой Польши ставила в связь с грядущей войной и военным разгромом России. Наиболее сознательная в классовом отношении часть пролетариата, входившая в польскую с.-д. партию, стояла на интернационалистической позиции и борьбу с царизмом вела рука об руку с революционной частью российской социал-демократии (большевиками).

В украинской части русской Польши («Холмщина») православное духовенство и русские националисты вели, при поддержке русского правительства, агрессивную и вызывающую политику по отношению к польскому населению и католической церкви.

По другую сторону границы, в Галиции, национально-классовые отношения сложились исторически совершенно иначе. Поляки пользовались там большой автономией, имели свой сейм, и господствующие классы Галиции, наряду с господствующими классами австрийских немцев и венгров, составляли одну из опор династии Габсбургов [24]. Националистической и австрофильской была и ориентация польско-галицийской интеллигенции, левое крыло которой, галицийские с.-д., с их вождем Дашинским (нынешний председатель польского сейма), имело значительное влияние на польских (а отчасти и украинских) рабочих и крестьян Галиции и находилось в близком идейном родстве с «правицей» ППС.

Масса украинского населения Галиции, несмотря на формальное равноправие, в значительной мере угнеталась правительством и господствующими классами Галиции, особенно в области политической и культурной. Но в то время, как часть украинского пролетариата и крестьянства примыкала к галицийской с.-д. партии, а большинство во главе с мелко-буржуазной интеллигенцией сочувствовало националистическим украинским организациям, мечтавшим (вместе с украинскими националистами в России) о независимой или автономной Украине,

небольшая часть реакционной интеллигенции и мещанства во главе с православным духовенством тяготела к царской России и давно была объектом национально-политической пропаганды со стороны русских реакционных и великодержавных «панславистов». Наконец, еврейская буржуазия и мелкая буржуазия Галиции, пользовавшаяся (правда, в значительной мере, лишь юридически) всеми гражданскими правами, конечно, была настроена вполне лояльно по отношению к австрийской монархии и у бесправного еврейского мещанства русской Польши могла вызывать лишь чувство зависти.

В такой сложной социально-политической и национальной обстановке элемент политического разложения противника и политического обеспечения собственного тыла, элемент пропаганды приобретал значение важного военного фактора, без которого картина войны на Галицийском фронте была бы неполна.

И, действительно, мы видим, что последние годы перед мировой войной обе стороны начинают вести серьезную политическую подготовку ее. Оставаясь только в сфере данного, т. е. русско-австрийского театра будущей войны, можно указать на следующие наиболее выдающиеся моменты этой подготовки. С одной стороны, лидер русских националистов в 4-й государственной думе граф Бобринский, тот самый, который потом был назначен генерал-губернатором оккупированной русскими Галиции, возглавляет шумную и откровенную национально-политическую и церковную пропаганду в «Червонной» и «Прикарпатской Руси», во время которой, конечно, нащупывается почва и завязываются определенные деловые связи для будущей войны, с другой стороны, в эта же время на территории Галиции, при молчаливом попустительстве и даже негласном содействии местных властей, российский подданный, бывший организатор и глава боевой организации националистической ППС и нынешний диктатор Польши, собирает, организует, вооружает и обучает боевые дружины, зародыш будущего польского легиона, в которых участвуют и политические эмигранты из царской Польши.

Наконец, в первые же дни войны русский верховный главнокомандующий, как бы от своего имени, не связывая официально правительства, но, конечно, с его согласия и одобрения, выпускает знаменитый «манифест» к полякам, в котором торжественным и высокопарным стилем возвещает наступление «часа воскрешения польского народа и братского примирения его с великой Россией». – «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ». Пусть «под скипетром русского царя» «возродится Польша, свободная в своей вере, языке и самоуправлении».

В подчеркнутых словах давалось неопределенное обещание автономии, в котором таился вполне определенный политический расчет – опереться на примиренчески настроенную польскую буржуазию и часть помещиков (выразителем этого блока была партия «народовых (национальных) демократов», имевшая своих представителей в Государственной думе) и при их помощи не только нейтрализовать весьма сильные пораженческие настроения в русской Польше, но и вызвать соответственный отклик по ту сторону границы.

Что касается «трезво» и «реалистически» настроенной буржуазии русской Польши, не разделявшей националистического романтизма мелко-буржуазной интеллигенции, то воззвание верховного главнокомандующего на первых порах в известной мере оправдало расчет царского правительства, создав политический перелом в этой буржуазии (равно, как в некоторых группах буржуазии Галиции), прекрасно понимавшей те экономические выгоды, которые сулит ей тесный союз с Россией.

Зато очень скоро, после первых же побед в Галиции, хозяйничанье там русских военных и оккупационных властей и те дикий произвол и насилие, которым они подвергали все местное население, не только создали атмосферу ненависти, несомненно облегчившую потом австро-германской армии изгнание русских из Галиции, но и в русской Польше рассеяли те надежды, которые питала буржуазия на автономию «под скипетром русского царя».

3. Планы войны

Русский план 1912 года

Несмотря на неблагоприятную внешнеполитическую обстановку для Германии и Австро-Венгрии, слабые экономические ресурсы последней и ее внутреннюю слабость, оба союзника были одного мнения, что в случае войны необходимо добиваться решения как можно скорее.

Намерение германцев использовать быстроту своей мобилизации и обрушиться главными силами на Францию, оставляя на этот период войны австрийскую армию для борьбы с русскими силами, учитывалось русским генеральным штабом при разработке планов войны и сосредоточения армий [25]. Считалось, что на восточной границе германцы оставят небольшое количество полевых войск, не свыше 3–4 полевых корпусов и 10–13 резервных дивизий, и что австро-венгерская армия, выделив для обеспечения своей сербской и итальянской границ до 3–4 корпусов, остальные вооруженные силы, в количестве 12–13 трех дивизионных корпусов, направит в Восточную Галицию для наступательных действий против русских армий.

Разведывательные данные 1907–1912 гг., имевшиеся в русском генеральном штабе, документально подтверждали эти предположения о развертывании австрийских сил, при чем считалось, что последние при благоприятной обстановке могли принять исходное положение к вечеру 15-го дня мобилизации.

По этим данным развертывание австро-венгерских корпусов намечалось в районе Нискоярослав-Львов-Каменка-Трембовля, т. е. в 1½ и 2½ переходах от бывшей государственной границы.

Применительно к имеющимся данным о развертывании австро-венгерских армий и считая в то же время, что политическая обстановка не исключает также возможности наступательных действий значительных сил германцев и на востоке, русский генеральный штаб по плану 1912 года признавал необходимым иметь два варианта стратегического развертывания [26]:

1) план «лит. А» – когда обстановка потребует направления большей части вооруженных сил России против Австро-Венгрии, и

2) план «лит. Г» – на случай необходимости развернуть большую часть армии против Германии, т. е. когда против России с началом войны будут направлены не только главные силы Австро-Венгрии, но и главные силы Германии.

Окончательное решение о принятии того или другого варианта должно было последовать не позднее 7-го дня мобилизации, когда первые эшелоны, меняющие направление перевозки по плану «лит. Г», прибывали на станции (на линии Смоленск-Брянск-Никитовка), с которых должны быть сделаны распоряжения об изменении перевозки, т. е. это решение в 1914 году должно было быть принято не позднее 7-го августа.

При сосредоточении по «лит. А» на австрийском фронте развертывалось 45 пех. дивизий, 3 стр. бригады, 18½ кав. дивизий, составляющих 3-ю, 4-ю и 5-ю армии; для действия против германцев оставлялось 29 пех. дивизий, 1 стр. бригада, 9½ кав. дивизий, образующих 1-ю и 2-ю армии германского фронта. Общая задача развертывания – «переход в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы».

При варианте «лит. Г» – на германский фронт перечислялась 4-я армия, сосредоточиваемая в районе Шавли, и производились некоторые изменения в составе других армий, что доводило силы германского фронта до 43 пех. дивизий, 2 стр. бригад, 12½ кав. дивизий, образующих 1-ю, 2-ю и 4-ю армии.

На австрийском фронте оставались 3-я и 5-я армии в составе 31 пех. дивизий, 2 стр. бригад, 14 кав. дивизий. Развертывание по плану «лит. Г» получало уже другую задачу – «переход в наступление против германских войск, угрожающих со стороны Восточной Пруссии, парализуя действия противника на других фронтах».

Кроме того, при обоих вариантах формировались отдельные армии: 4-я армия – в составе 7 пех. дивизий, 1 стр. бригады и 1½ кав. дивизий для обеспечения столицы и наблюдения за балтийским побережьем – и 7-я армия – из 6 пех. дивизий и 1 ½ кав. дивизий для прикрытия со стороны Румынии и побережья Черного моря. Этот план сосредоточения окончательно был принят и утвержден 1-го мая 1912 года и с некоторыми изменениями осуществлен в 1914 году.

Союз между Россией и Францией связывал планы войны обоих государств в одно целое и существенным образом отразился на разработке плана 1912 года и ведении первых операций вследствие того влияния, которое оказывала на командование русско-французская военная конвенция, определившая взаимные обязательства союзников в случае войны с державами центрального союза. Последнее перед войной свидание между начальником русского генерального штаба Жилинским и Жоффром, начальником французского генерального штаба, привело к принятию ряда важных обязательств[27], при чем было принято даже соглашение о наиболее выгодном направлении русского удара против Германии, а именно: было решено, что наступление представляется наиболее выгодным с юга, т. е. от Нарева на Алленштейн, в случае сосредоточения немцев в Восточной Пруссии, или прямо на Берлин, если бы немцы сосредоточили свои главные силы восточного фронта в районе Торн – Познань.

Итак, последние обязательства, принятые русским генеральным штабом, принуждали Россию начать наступательные действия на 15-й день, когда могла быть развернута только 1/3 ее вооруженных сил. В то же время эти обязательства предъявляли требования считать за главные операционные направления Восточно-Прусское и даже Берлинское. План 1912 года встретил жестокую критику почти всех командующих войсками военных округов и их начальников штабов, собранных на совещаниях [28] в Москве в 1912 году и в Петербурге в 1913 году, вследствие чего был изменен в 1913 году.

План стратегического развертывания 1913 г.

В результате этих совещаний 25-го сентября 1913 г. были утверждены «основные соображения по развертыванию наших вооруженных сил при войне с державами тройственного союза», которые были приурочены к вновь вводимому в действие мобилизационному расписанию № 20. Однако мобилизация последовала еще в период действий мобилизационного расписания № 19, и в действительности в 1914 году в полной мере не был проведен ни план 1-го мая 1912 года, ни план 25-го сентября 1913 года.

В плане 1913 года считалось необходимым обеспечить в первый период войны решительный успех против австро-венгерцев, что дало бы возможность нанести потом удар германцам, если бы последние, одержав успех над Францией, перебросили свои войска на восток. Против Германии признавалось необходимым оставить до 27 пех. дивизий против 16–25 немецких. Против Австро-Венгрии предназначалось 42½ пех. дивизий против 43–47 австрийских дивизий.

Таким образом, против Австро-Венгрии необходимого перевеса сил достигнуто не было. Для его достижения считалось возможным перебросить на австрийский фронт часть сил с северо-западного фронта по выяснении, что немцы выставили против него менее, чем предполагалось. Кроме того, на австрийском фронте предполагалось подтянуть VIII корпус из 7-й армии, а из других районов 7 второочередных дивизий, что доводило силы австрийского фронта до 53½ дивизий против 43–47 австрийских.

Итак, предполагалось сосредоточить против Германии 33,7 % всех вооруженных сил, против Австро-Венгрии – 52,2 % и в стратегическом резерве – 14,1 %. Это распределение сил указывает на желание вести борьбу одинакового характера на всем русском фронте. Направление главного удара сразу не обеспечивается достаточными силами.

Стратегические задания германского и австрийского фронтов и армий в плане 1913 г. остались теми, что по плану «лит. А» – 1-го мая 1912 года, но со следующими изменениями:

План «лит. А». Общая задача сосредоточения: переход в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы.

1) Армии германского фронта. Главнокомандующему армиями германского фронта подчиняются 1-я и 2-я армии; штаб главнокомандующего в Волковыске, потом в Лиде. Задача – поражение германских войск, оставленных в Восточной Пруссии, и овладение последней с целью создания выгодного исходного положения для дальнейших действий.

Состав германского фронта (впоследствии северо-западного): 1-я армия – штаб Вильна; сбор армии в районе Ковна и Друскеники; состав: III, IV, I и гвардейский корпуса, 7 второочередных пех. и 5½ кав. дивизий; задача: обход Мазурских озер с севера.

2-я армия – штаб Варшава, потом Волковыск; сбор армии на линии Гродна-Белосток-Ломжа; состав: VI, XV, XXIII, XIII корпуса, 4 второочередных пех. и 4 кав. дивизии; задача: обход Мазурских озер с юга.

2) Армии австро-венгерского фронта. Главнокомандующему армиями австро-венгерского фронта подчиняются 4-я, 5-я и 3-я армии (впоследствии 3-я армия разделена на 3-ю и 8-ю); штаб главнокомандующего в Киеве, потом в Кобрине. Задача – поражение австро-венгерских армий, имея в виду воспрепятствовать отходу значительных сил противника на юг за Днестр и на запад к Кракову.

Состав австро-венгерского фронта (впоследствии юго-западного): 4-я армия – штаб Казань, затем Луков; сбор армии в районе Ивангород-Люблин-Рейовец-Луков; задача: наступление на Перемышль; состав армии: гренадерский корпус – Холм; XIV, XVI и XX корпуса – Люблин (первоначально показан еще XXIV корп.); дивизии: 80-я и 82-я-Луков; 83-я – Ивангород. В плане 1913 года исключен XXIV корпус и добавлены 13-я и 14-я кав., 3-я Донская и Уральская каз. дивизии и гвард. отд. кавбригада.

5-я армия – штаб Москва, потом Брест-Литовск; сбор армии в районе Холм-Ковель-Брест; задача: наступление на Перемышль – Львов; состав армии: V корпус – Ковель; XVII – Ковель; XXV – Холм; XIX – Ковель и Брест; дивизии: 55-я, 61-я, 70-я, 75-я и 81-я-Брест. По плану 1913 года в состав включены: 7-я кав., 1-я, 4-я и 5-я донские каз. дивизии, 2-я и 3-я отд. кав. бригады. По плану 5-я армия должна была наступать не на фронт Перемышль-Львов, а на фронт Любачев-Жолкиев.

3-я армия – штаб Киев, потом Ровно; сбор армии в двух группах – районы Ровно-Дубно и Проскуров; задача: наступление на Львов; состав разделен на две армии: 3-ю и 8-ю. Состав 3-й армии: XI корпус-Дубно, XXI – Луцк, IX – Кременец, X – Славути; дивизии: 58-я – Бердичев, 60-я – Шепетовка, 65-я – Жмеринка, 69-я и 78-я – Ровно. III кавказский корпус должен был выгружаться в зависимости от обстановки в пунктах по указанию штаба 3-й армии. Намечена станция Шепетовка. Состав 8-й армии, образовавшейся из Проскуровской группы (штаб Проскуров): VII и XII корпуса – Проскуров; потом добавлены XXIV и VIII корпуса из состава 4-й и 7-й армий. Задача 3-й армии по плану 1913 года разбита между 3-й и 8-й армиями так: для 3-й армии – наступление на фронт Каменка – Зборов с общим направлением на Львов; для 8-й армии – наступление на фронт Тарнополь – Чертков с общим направлением на Львов, имея в виду воспрепятствовать отходу противника к югу за Днестр.

3) Кроме того, формировались отдельные армии: 6-я армия-штаб Ленинград (Петербург); задача – обеспечение столицы и наблюдение за балтийским побережьем; состав – 7 пех. дивизий, 1 стр. бригада и 1½ кав. дивизии и оренбургская каз. дивизия, 7-я армия – штаб Одесса, потом Бендеры; сбор армии в районе Бендер; задача – прикрытие со стороны Румынии и побережья; состав – 62-я, 63-я, 64-я и 71-я дивизии, 8-я кав. дивизия, Крымский и 7-й Донской каз. полки.

Таким образом, по плану 1913 года для нанесения главного удара против австро-венгерцев:

1) На 15-й день мобилизация прибывали: 27 полевых пех. и 20 кав. дивизий.

2) На 23-й день – 2016 полевых и 12 второочередных пех. и 3 каз. дивизий. С румынского фронта мог прибыть VIII корпус и 8-я кав. дивизия.

3) На 30-й день – 3 полевых и 6 второочередных пех. дивизий, каз. части 2-й и 3-й очереди, предназначенные для корпусной и дивизионной конницы. С балтийского побережья мог прибыть XVIII корпус.

4) Между 30-м и 60-м днями прибывали войска из отдаленных округов и остальные второочередные части; всего: 6½ полевых и 6 второочередных пех. дивизий, 1-я каз. дивизия и 1-я каз. бригада. Из Финляндии могли прибыть XXII корпус и 1-я кав. бригада.

5) Между 60-м и 85-м днями могли прибыть из Восточной Сибири 4 полевых пех. дивизии и 2 кав. бригады.

Общая готовность по этому плану определялась к 30-му дню мобилизации, когда заканчивали сосредоточение все полевые дивизии, а окончательная готовность русских армий приходилась на 45-й день мобилизации (т. е. 13-е сентября). Подтягивание окраинных корпусов доводило силы армий до 67 полевых и 31 второочередных дивизий, или 1.560 бат. 1.094 эск. и сотен и 5.708 орудий, что составляло до 85 % русских вооруженных сил. Несмотря на столь значительное превосходство в силах, все армии сильно запаздывали в сосредоточении, что позволяло противнику упредить переходом в наступление, так как полного сбора сил, достаточных для наступления, можно было ожидать только на 30-й день мобилизации [29].

Оценка русского плана

Оценивая план стратегического развертывания русских армий, необходимо признать, что он упускает возможность задаться одной важной целью – разгромить одного из противников, а стремится достигнуть нескольких оперативных целей. Выбор юго-западного фронта для главной операции является правильным, так как в случае решительной победы в Галиции русские армии выходили бы на границу Силезии с ее угольными запасами и промышленностью. Занятие ее являлось для Германии более чувствительным, чем потеря Восточной Пруссии.

Ведение наступательной операции против германцев ставило русские армии в Восточной Пруссии в невыгодное положение для последующих операций. Германцы на Висле имели сильно укрепленный крепостями рубеж, который русские армии могли достичь, по мнению немцев, на 33-й день, но который надолго задержал бы их. Кроме того, усиление северо-западного фронта для ведения этой операции могло быть осуществлено только за счет сил юго-западного фронта. При ослаблении последнего вторжение австро-венгерских армий на русскую территорию было неминуемо. Отход русских армий создал бы невыгодное впечатление и ускорил бы присоединение Турции и Румынии к австро-венгерцам.

Поэтому решительный удар по австро-венгерской монархии, политическая прочность которой была несравненно ниже Германской империи, являлся особенно важным. Несомненно, что Германия поддержала бы своего союзника еще до полного разгрома его армий и ослабила бы свои силы как в Восточной Пруссии, так и во Франции, начав переброску своих корпусов на восточный театр военных действий. Но такого превосходства план не создает, и распределение сил по обоим фронтам имеет яркий характер разброски: на северо-западном фронте 27–29 дивизий против 16–25 германских; на юго-западном фронте – 45 дивизий против 43–47 австрийских дивизий и в отдельных армиях, обеспечивающих фланги развертывания, – 13 дивизий. Кроме того, оставалось еще 9 армейских корпусов, которые должны были, в виду позднего прибытия, составить резерв верховного главнокомандования.

В частности, на юго-западном фронте распределение сил не отвечало оперативному замыслу вести главный удар со стороны Волыни и Подолии. Оба крыла фронта сделаны почти равносильными. Столь невыгодное распределение сил еще более усугублялось разницей в готовности армий русских и австро-германских: по расчетам русского генерального штаба германцы заканчивали свое сосредоточение на 10-й день мобилизации, австро-венгерские армии

– на 15-й день, а последовательная готовность русских армий по дням мобилизации определяется в следующем виде:

	50% сил	75% сил	100% сил
1-я армия	16-й день	20-й день	36-й день
2-я армия	10-й день	15-й день	40-й день
3-я армия	15-й день	22-й день	40-й день
4-я армия	20-й день	30-й день	41-й день
5-я армия	20-й день	27-й день	38-й день
6-я армия	20-й день	27-й день	36-й день
7-я армия	10-й день	15-й день	20-й день

Итак, медленность развертывания русских армий не позволяла вести одновременно, начиная с 15-го дня, две серьезные операции на юго-западном и северо-западном фронтах и совершенно исключила возможность нового развертывания (9-й и 10-й армий) на левом берегу Вислы для наступления в глубь Германии. В этом заключался недочет русского плана войны.

Австрийский план

Соглашения с Италией и Румынией создавали чрезвычайно выгодное положение для австро-венгерской армии в случае ее войны с Россией. Поэтому австрийский генеральный штаб еще в 1912 году считал возможным сосредоточение армий на галицийском фронте произвести почти на самой границе: от устья Сана через Ниско – Ярослав – Львов – Каменка – Трембовля. После Балканской войны 1912–1913 гг. австро-германцы стараются уточнить свои взаимные военные обязательства: на свидании в Карлсбаде [30] 12 мая 1914 года Мольтке обещает Конраду «через шесть недель после начала операций» (т. е. на 60-й день мобилизации) значительно усилить германские войска на востоке. Первые шесть недель австрийцы должны были вести самостоятельно операции против русских на галицийском фронте, обеспечивая германский тыл. При этом австрийцы не должны были рассчитывать на вспомогательное наступление германцев на Седлец, так как Мольтке считал, что наступление слабых германских сил к Нареву подвержено фланговым ударам и от Ломжи, и от Варшавы. Тем не менее австрийцы считали необходимым, невзирая на риск, вести против России наступательную войну, будучи убеждены, что оборона при первых же столкновениях повлечет неудачу, а затем и катастрофу для их армий.

Австрийский генеральный штаб рассчитывал, что русские могут сосредоточить внушительные силы между Вислой и Бугом с целью удара между германскими и австрийскими армиями. Весной 1914 года германский генеральный штаб признает, что Россия имеет возможность, используя «предмобилизационный период», быстро сосредоточить на 18-й день мобилизации на своей европейской границе до 63 полевых и резервных дивизий и 22 дивизий конницы. Для предупреждения русского наступления и для более надежного соприкосновения с германскими силами австрийцам нужно было, по их мнению, стремительно начать свое наступление между Вислой и Бугом.

Учитывая вероятную возможность войны на 2 фронта: против России и одновременно против Сербии и Черногории, а также возможность отдельной войны против каждого из этих противников, все вооруженные силы Австро-Венгрии при мобилизации разделялись на 3 группы: 1) «группа А» из 9 корпусов со всеми их резервными формированиями и 10 кавалерийских дивизий, 2) «минимальная группа Б» из 3 корпусов, 2 пех. дивизий, 1 маршевой бригады, 4 ландштурменных бригад и 4 гонведных маршевых полков, 3) остальные мобилизованные войска образовывали «группу В» из 4 корпусов, 4 пех. дивизии, 1 кавалерийской дивизии и 1 ландштурменной бригады.

Австрийцами были разработаны следующие варианты сосредоточения своих мобилизованных вооруженных сил:

1) «Сосредоточение Р» (война против России) предусматривало использование большей части вооруженных сил Австро-Венгрии, сосредоточивая их в Галиции.

Первая часть этих сил образовала «группа А» из 9 корпусов: I, II, III, V, VI, X, XI, XII, XIV со всеми ландверными, ландштурменными и маршевыми формированиями соответствующих корпусных округов и из 10 кавалерийских дивизий – 1-й – 9-й и 11-й кав. дивизий. Для действия на Балканском театре оставалась «минимальная группа Б» из XV, XVI, XIII корпусов (с 42-й пех. дивизией и 13-й маршевой бригадой), 20-я дивизия, 36-я, 104-я, 107-я и 109-я ландш. бригады и четыре гонведных маршевых полка. Остальные мобилизованные войска образовали «группу Б» из 4 корпусов (VI, VII, VIII и IX), 4 пех. дивизий (21-я, 26-я, 23-я, и 40-я), 10-й кав. дивизии и 102-й ландш. бригады и в случае войны с Россией также должны были перевозиться в Галицию за войсками «группы А».

2) «Сосредоточение Б» (война исключительно против Сербии и Черногории). В этом случае на границе с этими государствами сосредоточивалась, кроме «минимальной группы Б», еще и вся «группа Б», образуя так называемую «максимальную группу Б» [31].

При «сосредоточении Р» войска в Галиции, выделив самостоятельную группу из одной кавалерийской дивизии и трех ландштурменных бригад к Кракову, образовали 4 армии [32].

1-я армия (9 пех. дивизий) – в районе Сенявы и частично на Нижнем Сане.

4-я армия (12 пех. дивизий) – в районе у Львова и Буска.

3-я армия (9 пех. дивизий) – в районе Злочева, Зборова, и Козова, 1 пех. дивизия в Тарнополе.

2-я армия (10 пех. дивизий) – на Стрыпе и южнее Днестра у Бучача и Езержаны и одна пех. дивизия в Залещиках. Все кавалерийские дивизии разворачивались по границе, в одном переходе от нее, для разведки и прикрытия сосредоточения.

Основная идея этого развертывания заключалась в быстром наступлении 1-й и 4-й армий между Бугом и Вислой, чтобы разбить русские войска в Польше. Краковская группа совместно с германским ландверным корпусом в прусской Силезии направлялась к Висле южнее Ивангорода для обеспечения левого фланга 1-й австрийской армии. От германских войск, собранных в Восточной Пруссии, австрийцы ожидали, как было условлено до войны, содействия силами от 7 до 11 дивизий в направлении на Седлец. 3-я и 2-я австрийские армии должны были разбить русские армии, ожидавшие из района Ровно – Дубно – Луцк и из-за Збруча. Как только 1-й и 4-й армиям удастся достигнуть решительного успеха, 4-я армия должна была оказать самое энергичное содействие операциям 3-й и 2-й армий.

После убийства австрийского престолонаследника, когда австрийский генеральный штаб стал осуществлять ряд мер по подготовке к войне с Сербией, было решено еще более отнестись к сосредоточению армий в Галиции на линию рек Сана и Днестра. Для этого потребовалось изменить план перевозок 84 эшелонов, что было исполнено в июле, и к 1-му дню мобилизации австрийские армии имели уже новый план развертывания.

В общем, предполагалось направить против Сербии все корпуса, закрепленные на сербском фронте по плану «сосредоточение Б», входившие в состав «максимальной группы Б», всего 19 пех. и 1 кав. дивизий. Но так как оба чешских (VIII и IX) корпуса не внушали особого доверия в борьбе против сербов, то сербский фронт был усилен еще III корпусом (немецким) и 2 дивизиями (венгерскими), взятыми с галицийского фронта из состава «группы А», увеличивая этим силы сербского фронта до 25 пех. и 1 кав. дивизий. Таким образом, в Галиции должны были сосредоточиться всего 35 пех. и 10 кав. дивизий, 1 огд. бригада, 13 марш. бригад, 11 марш. полков и 11 ландш. бригад. Внутри страны осталось всего 3 ландш. бригады. В общем подсчете доведение численности сербского фронта до 42 % всех вооруженных сил и оставление на галицийском фронте только около 58 % указывают на желание австрийского генерального штаба провести удар против Сербии в стиле сокрушения, на неправильную оценку внешнеполитической обстановки и надежду, что Россия, как и в 1909 году, останется нейтральной.

Оценка австрийского плана

Сводя все сказанное об оперативных предположениях австрийцев, надо отметить, что они мало учитывали возможность одновременного выступления России и Сербии и не учли возможности запаздывания германской помощи. В этом случае сербский фронт являлся для австрийцев второстепенным, и австрийский генеральный штаб обязан был вести главный удар против России и ограничиться сосредоточением на сербском фронте наименьшего количества войск. Сосредоточение на второстепенном театре военных действий 42 % вооруженных сил являлось ошибочным, так как следствием этого на галицийском фронте получалось невыгодное соотношение сил: 35 австрийских дивизий в течение первых шести недель должны были вести неравную борьбу с 42–52 русскими дивизиями, сосредоточенными против Австро-Венгрии на 18-й день мобилизации. На помощь со стороны германцев можно было рассчитывать не ранее 60-го дня мобилизации, а подкрепления со стороны сербского фронта могли подойти после окончания там операций, т. е. не ранее 75-го дня. Правда, австрийцам со стороны германцев первоначально была обещана операция в направлении на Седлец, каковую первые считали необходимой для своего наступления между Вислой и Бугом. Но австрийцы должны были внимательно отнестись к известному им заявлению Шлиффена [33], сделанному еще в 1912 году: «Австрия может быть спокойной – русская армия, предназначенная для действий против Германии, не пойдет в Галицию, пока не выяснится положение на западе; судьба Австрии решится не на Буге, а на Сене». Время, в течение которого Австро-Венгрия могла бы самостоятельно бороться с Россией, было весьма непродолжительно. Особенно тяжелым было бы положение австрийцев при развертывании подавляющих масс русских против Галиции. Атакой вариант мог быть легко осуществим действительно в 1914 году, когда германский план был уже в общих чертах известен. Распределение сил и задача армиям галицийского фронта должны были привести к расходящемуся наступлению 3-х групп, обреченных, при имевшемся соотношении сил, на неизбежное поражение каждой в отдельности. Особенно чувствительно должно было быть отсутствие IX корпуса в 4-й армии и IV и VII корпусов, входящих в состав 2-й армии.

В общем, стремление разгромить Сербию должно было привести к запаздыванию развертывания в Галиции корпусов «группы А» на 5 суток, а корпусов «группы Б» на 7 – 10 суток.

Поэтому, казалось бы, является правильным мнение тех военных писателей, которые считают, что австро-венгерский генеральный штаб должен был построить свой план кампании против России на основе стратегической обороны.

Сравнивая оба плана, необходимо признать, что русский план создавал более благоприятные условия, давая превосходство в силах русским армиям и полную возможность концентрического наступления.

Комментарии к введению

[1] Царская Россия в мировой войне. Изд. Центрархива с предисловием Покровского. Том 1, стр. VII–XXIV, 7 и 8. Телеграмма посла в Константинополе № 628.

[2] Г. Зиновьев. Австрия и мировая война, стр. 39.

[3] Дипломатическая подготовка России к мировой войне изложена в большой работе А. М. Зайончковского, изд. Штаба Р.К.К.А.

[4] Основными условиями этих займов являлись увеличение русской армии в мирное время и постройка стратегических ж. д. по указанию французов.

[5] По данным Ц.С.У. – «Россия в мировой войне 1914–1918 гг.», стр. 4 – 18 и по труду Клауса «Война и народное хозяйство России».

[6] 1912 г. – 346 000 000 руб., 1913 г. – 2000000000 руб., 1914 г. – 1-е полугодие – 33 000 000 руб., 1914 г. – 2-е полуг. – пассив в 9000 000. Ценность вывоза за 1913–1914 гг. – 1,5 миллиарда рублей. Сумма ввоза за 3 года войны – 3,4 миллиарда рублей.

[7] Прокопович. «Война и народное хозяйство». Сбор хлебов на 1 душу населения в России 378–390 кг, в Германии – 376 кг. Общий сбор всех хлебов (без картофеля) средний за 1909–1913 гг. – 4 642 000 000 пуд., 1914 г. – 4 488 000 000 пуд.

[8] По средним данным, по 16 губерниям на одно хозяйство приходилось 1,4 трудоспособных мужчин, из которых во время войны были призваны 0,6, т. е. 43 %, или в 6 раз более, чем в мирное время.

[9] Из 33.500 000 лошадей были реквизированы 4 000 000 лучших лошадей.

[10] Если принять цены за 1913 – 14 гг. за 100, то движение цен будет следующее: продукты питания (10 товаров) – в дек. 1914 г. – 139, в декабре 1915 г. – 199, в июне 1916 г. – 242, сырье, и полуфабрикаты в мае 1915 г. – 128, в декабре 1915 г. – 154, в июне 1916 г. – 178. (Данные экономического отд. Веер. Городского Союза – цитировано по Клаусу).

[11] Ц.С.У. «Россия в мировой войне 1914 – 18 г.», стр. 6. Народное потребление сократилось: в первый год войны – на 25 %, во второй – на 43 %, в третий – на 52 %.

[12] Зиновьев, стр. 96.

[13] Маниковский. Боевое снабжение русской армии, части I, II и III.

[14] Всего 112 легких местных парков, в каждом по 14 000 000 ружейных патронов, 4.296 гранат и 24.776 шрапнелей. Готовность парков была различная: 19 парков типа «А» были готовы уже в мирное время. Следующие 21 парк типа «Б» мобилизовались в течение 30 дней, а остальные парки «В», где патроны и снаряды хранились в разобранном виде, – были готовы через 2–3 месяца, после снаряжения в особых мастерских.

[15] Весь запас для 1-й – 4-й австр. армий определялся в 390–430 патронов на 1 винтовку. Конрад, часть IV, стр. 937.

[16] Эти недостатки были общими для всех европейских армий: во Французской армии имелся незначительный запас винтовок и орудий, 5 000 000 снарядов 75-мм и 155-мм калибра, 1.388 000 000 ружейных патронов. Заводы обеспечивали ежедневную продукцию в 2,6 милл. ружейных патронов, 13.600 снарядов для 75-мм пушки и 465 снарядов для 155-мм калибра. В германской армии также не было достаточных запасов винтовок, патронов и орудий. Продукция заводов была недостаточна: в 1914 году было изготовлено только 100 полевых и 20 тяжелых орудий. Б. Шапошников. Мозг армии, стр. 212.

[17] Цифры показывают фактическую обеспеченность 1-й – 4-й австрийских армий.

[18] Конрад, часть IV, стр. 937, т.-е. по 4–5 снарядов на каждую пушку и гаубицу в день.

[19] Зайончковский. Подготовка России к мировой войне в международном отношении, стр. 325. Доклад Розена государственному совету в начале 1914 года.

[20] Покровский. Очерки по истории революционного движения в России. XIX и XX вв.

- [21] Свечин. Стратегия, стр. 49.
- [22] Зиновьев. Австрия и Мировая война, стр. 57–84.
- [23] Краткий очерк политической обстановки и политической подготовки Польско-Галицийского театра военных действий составлен Б. И. Горовым.
- [24] Впрочем, даже в Галиции часть польской буржуазии, связанная с русским рынком, настроена была примиренчески по отношению к России.
- [25] Подробности разработки планов имеются в работе А. М. Зайончковского «Подготовка России к Мировой войне». (Планы войны).
- [26] Цихович, стр. 12–22.
- [27] См. Зайончковский, стр. 279.
- [28] В.-уч. архив. Дела № 126664 и № 128182.
- [29] Борисов, в. 1, стр. 16; К. Ушаков, стр. 109 и 186 (План А.); Головин, стр. 51–55.
- [30] Конрад, ч. III, стр. 673.
- [31] Этот последний вариант (план Б) изолированной войны на Балканах исключительно против одних Сербии и Черногории был фактически проведен в жизнь 25-го июля, когда Австрия объявила частную мобилизацию по этому плану и войну Сербии.
- [32] Конрад, часть IV, стр. 281.
- [33] Журнал «Война и Мир», № 12, стр. 7 – 34.

Глава первая

Обзор района военных действий

Общий характер местности района военных действий

Районом военных действий в период Галицийской операции послужила южная часть главного театра военных действий, охватывающего западную приграничную территорию России. Простираясь от Карпатского хребта к северу и северо-востоку до р. Вепржа, Влодавских болот и Полесья, а к востоку до р. Днестра, район включает всю Галицию и охватывающую ее полосу бывшей русской территории к западу к югу от Полесья [1].

В отношении рельефа эта обширная территория, имеющая размеры с севера на юг до 300 км и с востока на запад более 600 км, может быть разделена на две части, границей между которыми является течение рр. Сана и Днестра – этих двух важнейших водных линий района. Северо-восточная равнинная часть в районе Львова и Городка имеет группу холмов высотой до 350 м, являющихся главным водоразделом этого района, от которых расходятся следующие хребты: 1) в восточном направлении тянется гряда холмов на Злочев; высота 400 м. Северные и северо-восточные склоны этих холмов круты и обрывисты, рассечены балками и оврагами; 2) на северо-запад тянется гряда холмов к Томашеву; средняя ширина ее до 20 км, высота до 320 м. Северо-восточные склоны круты и изрезаны массой долин и оврагов; 3) в западном направлении от Городка тянется плоская возвышенность до Перемышля, причем холмы по мере удаления к западу, постепенно понижаясь, переходят в долину р. Сана. Западнее р. Сана простирается равнина западной Галиции.

К северо-востоку от водораздела Томашев – Львов – Злочев лежит Буго-Стырская котловина, равнинное пространство, покрытое в некоторых местах невысокими песчаными холмами. Будучи местностью пересеченной, имея болотистые долины рек и большое количество речных пространств, этот район не представлял удобств для действий значительных масс. К северу от Томашевского водораздела лежит Холмский район, поверхность которого представляет ряд небольших параллельных хребтов, тянущихся от р. Вепржа и упирающихся или в р. Зап. Буг, или в р. Гучву. Кроме лесов, покрывающих около $\frac{1}{4}$ поверхности района, главное оборонительное свойство его заключается в болотистых долинах рек и ручьев, пересекающих район с запада на восток и образующих удобные оборонительные рубежи. Наиболее высокой и пересеченной местностью является Томашевская группа высот, имеющая даже гористый характер.

К западу от Холмского района простирается Люблинский район, отделенный от Галиции Таневской лесной низменностью. Последняя, имея длину почти 100 км и ширину от 15 до 25 км, тянется по правому берегу рр. Танева и Сана, представляя равнину с песчаными буграми, почти сплошь покрытую крупным лесом, имеющим много дорог и просек. К северу от Таневской лесной полосы Люблинский район представляет местность преимущественно пересеченную, слегка холмистую и на всем протяжении до р. Вислы не имеет никаких естественных преград, будучи районом более удобным для оборонительных действий.

Юго-западная, гористая часть района состоит из отрогов главного Карпатского хребта, который отделял Галицию от внутренних областей б. австро-венгерской монархии. Главный хребет Карпатских гор на протяжении 100 км, между рр. Ослав и Опор, носит название Восточные Бескиды и имеет ширину от 70 до 100 км при средней высоте гор до 900 – 1000 м. К востоку от р. Опора главный хребет принимает более дикий характер и под названием Лесистых Карпат тянется на юго-восток до румынской границы. Средняя высота на этом участке, постепенно повышаясь, местами достигает 1600 м. Главный хребет сопровождается со стороны Галиции и Венгрии многочисленными параллельными горными цепями, местами до 9 – 11

линий, шириною, примерно, для северных склонов 30–50 км, для южных – 40–60 км. Все это делает район Карпатских гор мало проходимой преградой на путях в Венгрию.

В общем, лишь юго-западная часть Галиции представляет сильно всхолмленную, мало удобную, пересеченную местность. В остальном районе расположение и действие больших масс удобно везде, за исключением Буго-Стырской болотистой котловины. Расположенные в тылу Карпаты, отделяя Галицию от внутренних областей, прорезывались 7-ю железнодорожными линиями, 18-ю шоссе и 22-мя колесными дорогами. Однако для войскового движения во всякое время года были доступны лишь шоссе. Доступнейшей частью Карпат является участок между рр. Попрад и Ослав, на котором гористый характер местности переходит в холмистый. Пути, выводившие из России, между Вислой и Зап. Бугом, на этот участок Карпат, запираются крепостью Перемышль и укреплениями у Ярослава и Сенявы.

Рассматривая местность в пределах бывшей русской территории, видим, что она между Вислой и Западным Бугом холмистая, но вполне удобная для действий больших масс; только в весеннюю и осеннюю распутицу движение по грунтовым дорогам для обозов делается очень трудным. На правом берегу р. Западного Буга, между Полесьем и выступающим углом Галиции лежит узкая полоса, удобная для движения больших масс. Длина этой полосы около 180 км и ширина от 30 до 80 км. По этой полосе пролегали кратчайшие пути, связывающие южный район с северным (в обход Западного Полесья), и пути от верховьев р. Зап. Буга на север через Западное Полесье. В центре этой местности, примыкая к Буго-Стырской котловине, лежат Дубненские сады (всхолмленный и довольно пересеченный район) и Кременецкие горы, которые, в связи с болотистыми долинами р. Иквы и др., представляют местность, затрудняющую маневрирование значительных масс войск. Остальная площадь района военных действий от бывшей государственной границы и до р. Днепра всюду вполне удобна для действий войск.

Полесье

Существенное значение для выработки планов войны и первоначального развертывания имело Полесье, вплотную подходившее к северо-восточной части района военных действий. Полесье, составляя сильную преграду, разделяло весь западный фронт на два отдельных театра, причем войска северного театра связывались с войсками южного театра сетью путей, пролегающих через Западное Полесье, т. е. подверженных удару со стороны австро-германцев. Кроме того, пути, ведущие в глубь России из Восточной Галиции, разделялись Полесьем на 2 группы. Северная группа шла в обход Полесья с запада и выводила в направлении на Брест-Седлец в тыл оборонительного рубежа, который образуется Бугом, Наревом и Вислой; южная группа путей шла в восточном направлении на Киев параллельно южной опушке Полесья. Северная группа путей в 80 км от границы пересекалась болотистой р. Вепржем, в 120 км сильно стеснялась этой же рекой и болотами у Влодавы, в 200 км – р. Бугом и крепостью Брест-Литовск.

Значение Полесья выражалось в прикрытии со стороны Австрии наиболее важных направлений на Петроград и Москву и в разъединении сил наступающего противника. Невыгоды Полесья для русских армий выражались в разъединении войск, действующих к югу от Полесья, от войск, действующих севернее Полесья.

Реки и озера

Водные оборонительные линии, образующиеся в районе военных действий рядом рек и озер, по своим тактическим свойствам имели во время развития операции большое значение. Наиболее серьезными являлись: р. Висла, отделяющая левобережную Польшу от Западной Галиции с крепостью Краков; р. Сан с крепостью Перемышль и укреплениями у Ярослава и Сенявы, пересекающая пути из Западной Галиции в Люблинский район, и р. Днестр с укреплениями у Галича, Миколаева и у всех более значительных переправ. Укрепления эти обеспечивали австрийцам свободу маневрирования по обоим берегам Днестра и, в связи с Львовским укрепленным районом, образовывали обширный плацдарм, облегчающий им прикрытие тыла и фланга от удара с востока при наступлении на Брест.

Р. Висла, являясь значительным препятствием на путях к Кракову, на участке от Кракова до Ивангорода не имела ни одного постоянного моста, и переправа происходила только на пароме. Направление течения р. Сана, в связи с обеспеченными флангами и укреплениями на среднем участке у Ярослава, Сенявы и Радымно, создавало из него сильную оборонительную линию [2], которая обеспечивала с северо-востока первоначальное развертывание австро-венгерских армий. Левый фланг этой оборонительной линии прикрывался р. Вислой, а правый фланг обеспечивался крепостью Перемышль. Продолжением оборонительной линии р. Сана являлась линия р. Днестра, усиленная укреплениями у Миколаева, Жидачева, Журавно, Галича, Нижниова и др., которые являлись двойными тет-де-понами, усиливающими средний участок р. Днестра. Открытый промежуток между оборонительными линиями рр. Днестра и Сана, протяжением всего 50 км, прикрывался оборонительной линией р. Верещицы и Городокскими озерами (так называемая «Городокская позиция»). Сравнительно с этими сильными водными оборонительными линиями второстепенное значение имели их притоки и, как дополнение к рекам, системы озер и прудов, часто сопровождающих течение этих рек. Наибольшее значение имели притоки р. Днестра: р. Золотая Липа [3], первое препятствие на путях к Львову, текущая по местности пересеченной и закрытой с участками удобных позиций фронтом на восток; р. Гнилая Липа, текущая в переходе к западу и параллельно первой, с ж.-д. и шоссейными переправами у Рогатина, Большовце и Галича; между рр. Днестром и Гнилой Липой находилась укрепленная линия Ходоровских прудов, прикрывавшая ж.-д. узел у Ходорова и ж.-д. и шоссейную переправы через Днестр у Жидачева; р. Верещица, пересекающая пути, ведущие от Львова к Перемышлю в 50-км промежутке между рр. Саном и Днестром; из притоков р. Сана наиболее важным являлся р. Танев, по свойствам своей долины увеличивающий труднопроходимость лесной полосы, лежащей на путях от Люблина к нижнему течению р. Сана.

Из притоков р. Вислы имели значение при окончании операции рр. Вислока и Дунаец. Первая являлась оборонительным рубежом в 2–3 переходах к западу от р. Сана, пересекающим лучшие пути, идущие от Львова к Кракову, а вторая – последним оборонительным рубежом, на который отошли в 1914 г. австро-венгерские армии к половине сентября.

Особенностью Вислы, Сана, а отчасти и Днестра, являются сильные разливы в течение лета, когда после дождей в Карпатах уровень воды, а также скорость течения рек увеличиваются; напор воды бывает настолько силен, что сносит мосты, как это и случилось на Сане в начале сентября 1914 г.

Крепости и укрепления

С половины 90-х годов прошлого столетия австрийцы приступили к укреплению линии рек Днестра и Сана, создавая из них сильный оборонительный рубеж. Кроме того, в Галиции были созданы первоклассные крепости Краков и Перемышль, а при мобилизации – временный укрепленный лагерь у Львова и обеспечены полевыми укреплениями важнейшие пограничные пункты, а также некоторые переправы и проходы в Карпатских горах. К началу войны в районе военных действий находились следующие крепости и укрепленные пункты: крепости-лагери^а) Краков – укрепления в 3 линии. Наружный пояс фортов обводом в 40–50 км, внутренняя ограда – 12 км. Укрепления левого берега находились в постоянной готовности, на правом берегу укрепления были приведены в готовность при мобилизации. Всего на левом берегу 60 укреплений, из них 19 фортов, на правом – 26, из них 5 фортов. Гарнизон – 40 тысяч человек, б) Перемышль – укрепления в 2 линии. Наружный пояс состоит из 16 фортов и 26 укреплений, обводом в 45 км, внутренняя ограда – в 15–17 км. Гарнизон крепости был рассчитан на 40 тысяч человек, но в марте 1915 года сдалось около 120 тысяч человек, в) Временный укрепленный лагерь у Львова из 12 полевых укреплений, которые на восточном и северо-восточном фронтах были вынесены вперед от города на 8 – 10 км.

Укрепления на р. Днестре: Галич-двойное предмостное укрепление. Гарнизон до 3 тысяч человек. Миколаев – двойное предмостное укрепление (20 укреплений и 9 батарей). Гарнизон до 10 тыс. человек. Малые укрепления временного характера: у Самбора, Конюшки, Жидачева, Журавно, Мартынова и Залещики.

Укрепления на р. Сане: Ярослав – двойное предмостное укрепление временного характера – на правом берегу 4, на левом – 16 укреплений, которые находились во взаимной связи с укреплениями у Радымно и у Сенявы. Общий гарнизон этих укреплений до 8 – 10 тысяч человек. Кроме того, укрепления временного характера были возведены у Лежайска, Кржешова, Ниско и Развадува.

В общем, все эти крепости [4], укрепленные районы и переправы по своему географическому положению и возлагавшимся на них австрийцами задачам могли бы оказать более серьезное влияние на боевые действия, чем это произошло в действительности в период Галицийской операции. В большинстве случаев австрийцы оставляли их, не исчерпав полностью всей силы этих мощных фортификационных сооружений, на постройку которых в мирное время были истрачены большие средства. Только один Перемышль в конце операции оказал существенное влияние на действия русских армий, как бы оправдывая свою роль мощного редюита всей инженерной обороны Галиции.

Пути сообщения: а) железные дороги

С запада на восток Галиция прорезана 2-мя железными дорогами: Краков – Львов – Черновицы и Ново-Сандец – Самбор – Коломея – Черновицы; эти линии соединены многими поперечными ж.-д. путями. Связью Галиции с внутренними областями служили: в обход Карпат с запада – 2 железнодорожных линии и через Карпаты – 7 железнодорожных линий. Фактически эти линии обладали 10-ю колеями, но так как северная линия при 2-х колеях имела пропускную способность в 4 раза большую, чем одноколейная, а линия Мишколц – Хыров при 2-х колеях – в 3 раза большую, то в общем можно считать, что 7 линий как бы обладали провозоспособностью в 12 колеи. Военская провозоспособность одноколейной дороги была доведена до 16 пар поездов в сутки, а двухколейной – до 32 пар. Железнодорожными платформами Галиция была оборудована богато. Число платформ и их длина позволяли одновременно разгружать в средней Галиции 362 воинских поезда и в восточной – 168, а всего 530 поездов. В действительности, в виду отвлечения части ж.-д. состава и персонала для перевозки на сербский фронт, ежедневно могли прибывать и разгружаться в Галиции только 153 эшелона.

В пределах русской территории район пересекался в направлении с востока на запад 7-ю ж.-д. магистралями, с 10-ю колеями: 1) Смоленск – Брест – Луков – Люблин; 2) колеи, провозоспособность до 33 пар в сутки; 2) Гомель – Брест – Холм; 2) колеи, провозоспособность 28 пар; 3) Киев – Сарны – Ковель; одна колея, 16 пар поездов; 4) Киев – Казатин – Ровно – Ковель – Холм – Люблин; 2) колеи до Ковеля, далее одна колея; провозоспособность соответственно 40 пар до Ковеля, далее 13 пар поездов; 5) Киев – Казатин – Жмеринка – Волочиск; 2) колеи, 40 пар поездов; 6) Черкасы – Вапнярка – Жмеринка – Могилев; одна колея, 32 пары; 7) Киев – Коростень – Щепетовка – Проскуров – Ярмолинце (Каменец-Подольский); одна колея была не окончена, но до Ярмолинце частично работала (до 4 поездов).

Эта ж.-д. сеть позволяла ежедневно подвозить на юго-западный фронт не менее 195 эшелонов, а фактическое использование ж.-д. линий, примыкавших к району развертывания с севера (Варшавская и Бологое – Седлецкая ж. д.) и с юга (от Одессы, Симферополя, Екатеринослава и Кременчуга), доводило суточную отгрузку до 223 эшелонов [5]. В район сосредоточения юго-зап. фронта подвозилось 2236 эшелонов.

Галицийские и русские ж. д. соединялись тремя железнодорожными линиями: 1) Львов – Броды, которая через Здолбуново выходила на линию Ковель – Киев; 2) Тарнополь – Волочиск и 3) Черновицы – Могилев.

Русские железные дороги были сносно оборудованы, галицийские – в особенности, проходящие через Карпаты, – несколько хуже. При занятии Галиции было захвачено 98 паровозов и 3813 вагонов.

В общем, железнодорожная сеть давала достаточные удобства для операций австро-венгерских армий, но была недостаточна для своевременного сосредоточения русских армий, не обеспечивала им в полной мере необходимого подвоза при действиях в пределах Галиции и не допускала для них удобных и быстрых рокировок и перебросок войск. Разница в ширине ж.-д. колеи русской и заграничной, а также отсутствие достаточного количества ж.-д. состава на галицийских железных дорогах замедлили развитие операций русских армий.

б) Шоссе и грунтовые пути.

В пределах русской территории шоссейными путями район был небогат; кроме Киево-Брестского, Люблинского и Красноводского шоссе, идущих по северной окраине района, и небольших участков в Ровненском и Проскуровском районах, больших шоссе не было. Что касается грунтовых дорог, то и этими путями район не изобиловал, но зато пути эти являлись в общем достаточно удовлетворительными в качественном отношении. Открытая и ровная местность и сравнительно твердая глинисто-черноземная почва делали здесь даже проселочные дороги в течение большей части года (исключая осенней распутицы) вполне удобными для движения. Единственным серьезным препятствием служили встречные глубокие балки, пересекающие пути в южных частях района. В Люблинском и Холмском районах песчаный и глинистый грунт ухудшал грунтовые дороги.

Сеть путей сообщения в Галиции была развита больше, особенно «гористой и возвышенной части района; в Бугской котловине их было меньше, но здесь преобладали грунтовые дороги хорошего качества. Во всяком случае, шоссейная сеть в этой котловине была значительно более развита, чем в соседних частях России. Только некоторые участки в лесисто-болотистых районах были тяжелыми для движения войск.

Подготовка Галиции как базиса

Галиция была оборудована как базис для сосредоточения австрийских армий при войне с Россией. Еще в мирное время были заложены склады снабжения, которые располагались, начиная от Ржешова и далее к востоку. Продовольственных магазинов мирного времени – 26; с объявлением мобилизации открылось еще 7. Артиллерийских складов имелось 5. Лабораторий и пороховых складов – 2. Инженерных складов – 3. Складов полевых железных дорог – 5 (Ржешов, Перемышль, Львов, Стрый и Олмюц). Склад мостовых материалов – 1 (Перемышль). Складов материальной части железных дорог – 4. Складов телеграфного имущества – 12. Аптечный магазин – 1. Кроме того, с объявлением мобилизации в Галиции были открыты 7 постоянных госпиталей и 45 лазаретов. В общем, все запасы были распределены в Средней и Восточной Галиции равномерно; поэтому всю Галицию можно считать сплошным базисом.

Операционные направления

Главными операционными направлениями, проходящими через район военных действий и важными для австро-германцев, являлись направления на Петроград и Москву, идущие севернее Полесья. Они заключали в себе кратчайшие пути к этим важным центрам и являлись наиболее опасными для русских армий, так как перерезали главные жел. – дор. линии: Петроград-Варшавскую. Бологое-Седлецкую и Московско-Брестскую жел. дороги. Направления на Москву, идущие южнее Полесья через Киев, как слишком кружные, являлись для австрийцев второстепенными. Действия противника в этом направлении особой опасности не представляли.

Для выхода на главное операционное направление Брест – Минск – Смоленск – Москва австрийцы должны были преодолеть до 200 км пересеченной местности между Западным Полесьем и р. Вислой, преодолеть препятствия в виде р. Вепрж и болот у Влодавы, взять крепость Брест или заслониться от нее и, кроме того, предварительно обеспечить всю операцию

захватом Ровно-Дубненского района и выделением заслона против войск Киевского военного округа.

Для русских армий операционными направлениями являлись: первое – из Польши на Краков, которое вело по левому берегу Вислы в обход оборонительной линии рр. Сана и Днестра, и второе – на Ярослав и Перемышль, выводящее к наиболее доступной части Карпат – для вторжения в Венгрию. Операционными направлениями из пределов Волыни и Подолии являлись: Львовское, выводящее на участок Днестра между Перемышлем и Ярославом и позволяющее развивать дальнейшие действия к Кракову, и направление на Галич, ведущее через Самбор в обход всей оборонительной линии австрийцев по р. Днестру. Главными из этих направлений были наиболее западные, ведущие с севера на Краков. Ярослав и Перемышль, как отрезающие австро-венгерские силы в Галиции от внутренних областей страны и выводящие к наиболее доступной части Карпат.

Заключение

Исследование района военных действий в отношении устройства поверхности, свойства рек, путей сообщения и инженерной подготовки позволяет сделать оценку различных его участков в соответствии с теми задачами, которые ставили себе противники. Важнейшее значение приобретала северо-восточная часть Галиции и примыкающие к ней Люблинский и Холмский районы, включающие пути в пределы Галиции, выводившие против наиболее доступного участка Карпатских гор. Этот район для австрийцев, в связи с отсутствием у русских крепостей и сильных оборонительных рубежей, был весьма пригоден для наступательных действий. Препятствием служила Таневская лесная полоса и бездорожное пространство к югу от Холма, умышленно оставленное в запущенном состоянии русским командованием. Здесь почти не было железных дорог и шоссе, а грунтовые пролегали по песку или болотам. Такие свойства этой части района, выгодного для обороны, выдвигали значение левого берега р. Вислы, где обе стороны могли наступать крупными силами в более выгодных условиях.

Сложившаяся обстановка принудила русские армии действовать активно в бездорожном пространстве к югу от Люблина и Холма. По преодолении его русские армии стояли перед серьезной задачей форсирования оборонительной линии р. Сана с первоклассной крепостью Перемышль.

Свойства этого района побуждали австрийцев использовать его выгодные оборонительные стороны и опереться на укрепления р. Сана. Русские армии должны были стремиться обойти подготовленный оборонительный фронт по р. Сану и использовать в большей степени выгодные условия для наступления по левому берегу р. Вислы.

Другое значение имела восточная часть района, включающая восточную Галицию и примыкающие к ней районы Волыни и Подолии. Здесь перед мировой войной русское командование считало выгодным подготовиться к вторжению в Галицию из Киевского военного округа и развивало сеть шоссе до самой границы, за которой местность была наиболее доступной для наступательных действий большими массами. Преодолев левые притоки Днестра, форсировав оборонительную линию этой реки, русские наступающие армии, двигаясь по обоим берегам Днестра, овладевали открытым промежутком между рр. Саном и Днестром и обходили к югу от Перемышля оборонительную линию р. Сана, выходя к доступнейшим перевалам через Восточные Бескиды, или имели полную возможность продолжать наступление к Кракову. Для австрийских армий этот район должен был прикрывать их наступательную операцию к Бресту. Поэтому, поскольку овладение этим районом было важно для русских армий, постольку удержание его составляло существенную задачу для заслонов, оставляемых здесь австро-венгерцами.

Что касается Заднестровья, то ввиду гористой местности, наполненной отрогами Карпат, район его для наступательных действий был не совсем удобен. Однако, так как для австрийцев действия из-за р. Днестра давали возможность выхода во фланг русским силам, наступаю-

щим к Галичу, а для русских действия между рр. Прутом и Днестром позволяли обойти оборонительную линию последнего, то район Заднестровья приобретал серьезное значение, и если действия значительных сил во время Галицийской операции не имели места в этом районе, то исключительно вследствие первоначального недостатка сил обоих противников.

Размещение войск в Галиции было сравнительно благоприятным ввиду хорошего климата и погоды в августе и сентябре. В отношении нахождения местных средств войска были в худшем положении, благодаря бедности района и использованию австрийцами запасов крупных помещичьих имений еще в начале мобилизации своих армий.

Комментарии к первой главе

[1] При изучении района желательно пользоваться русскими 10-верстн. (листы 7-й, 8-й, 16-й и 17-й) или 25-верстн. картами.

[2] Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание, ч. I, стр. 16–55 изд. Г. У. Г. Ш.

[3] Описание этих рек будет дано при исследовании боевых действий.

[4] Более подробное описание всех этих укреплений будет дано, по мере надобности, при исследовании боевых действий.

[5] Австрийцы считали, что русские ежедневно могли разгружать на галицийском фронте только до 200 эшелонов. Конрад, ч. 4, приложение 13-е.

Глава вторая

Вооруженные силы

Русская армия 1914 г.

Политическая напряженность последних лет перед войной заставила все европейские державы увеличивать свои вооруженные силы. Соревнование западных держав под давлением союзнических обязательств перешло к России и Австро-Венгрии, которые были вынуждены также увеличить свои вооруженные силы.

В русской армии в 1910 году были проведены организационные меры по увеличению армии, но ввиду усиливающегося вооружения соседних держав в 1913 году было решено осуществить «большую военную программу по усилению состава армии», которая требовала единовременного расхода до 500 000 000 руб. в течение трех лет. Согласно этой программе [1], русская армия в мирное время увеличивалась на 11 772 офицера (на 28 %) и 468.200 солдат (39 %), но осуществление этой меры было прервано начавшейся войной.

Организация и численный состав

Численность русской армии мирного времени к началу войны определялась в 1.282 000 [2].

По штатам военного времени армия разворачивалась свыше 3.800 000, для чего призывались из запаса армии 2.291 000 и ратников ополчения I разряда 242 000, а всего 2.533 000. Кроме того, для формирования ополченских частей подлежали призыву 707 000 ратников ополчения I разряда, что доводило численность армии до 4.514 000. Если к этому прибавить еще казаков, то численность армии на военном положении определяется не менее 4.900 000.

Полевая армия, расквартированная в Европейской России, считая и III кавк. корпус, насчитывала 28 армейских корпусов, 31 пех. дивизию 2-й очереди, 23 кавалерийских и казачьих дивизии и 8 второочередных казачьих дивизий. Всего – 91 пехотная и 31 кавалерийская дивизии и 10 стрелковых бригад, или 1.456 батальонов, 1.011 эскадронов и сотен и 5.294 орудий. Кроме того, на восточных окраинах, в Закавказье и Туркестане, находились еще 9 армейских корпусов (14 пех. див., 8 стр. и 1 пласт, бригад, 2 каз. див. и 4 каз. бригады), из которых были взяты все полевые войска и часть второочередных, за исключением двух корпусов и небольшого количества других войск, оставленных на Кавказе в ожидании войны с Турцией. Всего в мобилизованной армии состояли: 1746 батальонов, 1182 эскадрона, 6382 орудия.

При мобилизации, кроме формирования второочередных частей и тыловых учреждений, были сформированы 190 запасных батальонов и ополченские дружины. Последние первоначально привлекались для несения гарнизонной службы в тылу, охраны железных дорог и проч. и как боевая сила не учитывались. Те из них, которые были сосредоточены на театре военных действий, применялись только как этапные войска и как рабочая сила.

Пехотная дивизия (второочередные дивизии такого же состава) состояла из 4 полков и артиллерийской бригады из 68-орудийных батарей, сведенных в 2 дивизиона, всего 16 батальонов, 32 пулемета и 48 легких 76-мм орудий. Кроме того, в дивизию входили: казачья сотня дивизионной конницы, парковая артиллерийская бригада из 3 парков, саперная рота, дивизионный лазарет, 2 полевых госпиталя, дезинфекционный отряд и дивизионный обоз. Всего в дивизии по штатам состояли: 18 700 строевых и 2000 нестроевых и до 4300 лошадей.

Стрелковые бригады были из 4 двухбатальонных полков и 3 батарей. По численности бригада равнялась ½ пехотной дивизии.

В кавалерийской дивизии были 4 шестиэскадронных полка, конно-артиллерийский дивизион из 2 конных батарей 6-орудийного состава и пулеметная команда. Всего в дивизии – 24 эскадрона, 8 пулеметов и 12 легких 76-мм орудий, или около 4000 бойцов.

Каждый армейский корпус состоял обычно из двух пехотных дивизий и иногда из третьей второочередной дивизии. К корпусу придавались: саперный батальон, мортирный артиллерийский дивизион из двух 6-орудийных батарей 122-мм гаубицы), казачий полк (800 сабель) 2-й очереди корпусной конницы, корпусный авиационный отряд (6 самолетов), отдельная телеграфная рота, продовольственный транспорт, подвижная хлебопекарня и корпусный госпиталь. Всего в корпусе нормального двухдивизионного состава с приданными частями и тыловыми учреждениями по штатам состояли около 40 000 строевых и 6 000 нестроевых и до 10.900 лошадей.

Тяжелая артиллерия

В русской армии к началу войны была сформирована корпусная артиллерия – 85 мортирных батарей из 122-мм гаубиц и полевая тяжелая армейская артиллерия – 41 батарея – 155-мм тяжелых гаубиц и 19 батарей 107-мм пушек. Тяжелая артиллерия по-дивизионно сводилась в тяжелые артиллерийские бригады, из которых три были приданы юго-западному фронту в качестве армейской артиллерии.

В отношении снабжения боевыми припасами обеспеченность выражалась в следующих цифрах [3]: на пехотную винтовку – 1 000 патронов, на пулемет – 75 000, на 76-мм легкое орудие – 1 000 выстрелов, на 122-мм полевую легкую гаубицу – 1 000 выстрелов, на 107-мм тяжелую пушку и 152-мм тяжелую гаубицу – 610 выстрелов. Из этого количества носимый и возимый войсковой запас: на винтовку – 200, на пулемет – 25 000, на легкое орудие – 370, на легкую гаубицу – 125 патронов.

Авиация

Военная авиация к началу войны только что начала формироваться. Предполагалось при- дать на корпус по авиационному отряду из 6 самолетов и, кроме того, иметь на каждую армию еще по 1–2 полевому авиоотряду. Всего имелось около 190 самолетов, 6 дирижаблей и 8 воздухоплавательных рот по 2 аэростата, из них на юго-западном фронте находилось 10 корпусных авиоотрядов и 3 воздухоплавательных роты.

Войска сообщения

Состояли из 8 железнодорожных батальонов и 10 автомобильных рот, по расчету на каждую армию. Широкого развития перевозки грузов на автомобилях в начале войны не было, хотя армиям и были приданы автогрузовые отряды, сформированные из 832 легк. и 127 груз, автомобилей, принятых по мобилизации.

Боевая подготовка

После неудач японской войны на боевую подготовку русской армии было обращено большое внимание. Вследствие усиленных занятий в зимний период и широко поставленных полевых учений и маневров в лагерях, обучение войск и их тактическая подготовка были сильно двинуты вперед. Кроме того, русская армия имела большое количество командиров и солдат, прошедших боевую школу войны, что сказалось на подготовке пехоты и особенно артиллерии. В пехоте огневой бой был поставлен в основу обучения, причем боевые действия основывались на работе небольших звеньев. Пехота была проникнута наступательным духом, искусно применялась к местности, но в отношении стрелкового обучения несколько отставала от армий противника. Замечалась склонность к стрельбе на дальние дистанции, без достаточного учета силы огня на близкие расстояния. Пехота была мало втянута в походные движения, которые совершались медленно. Наступление пехоты допускалось только после действительной подготовки ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. На связь между пехотой и артиллерией было обращено особое внимание. Хотя войска и обладали опытом в отношении выбора позиций и устройства полевых укреплений, но все же в армии окопное дело прививалось слабо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.